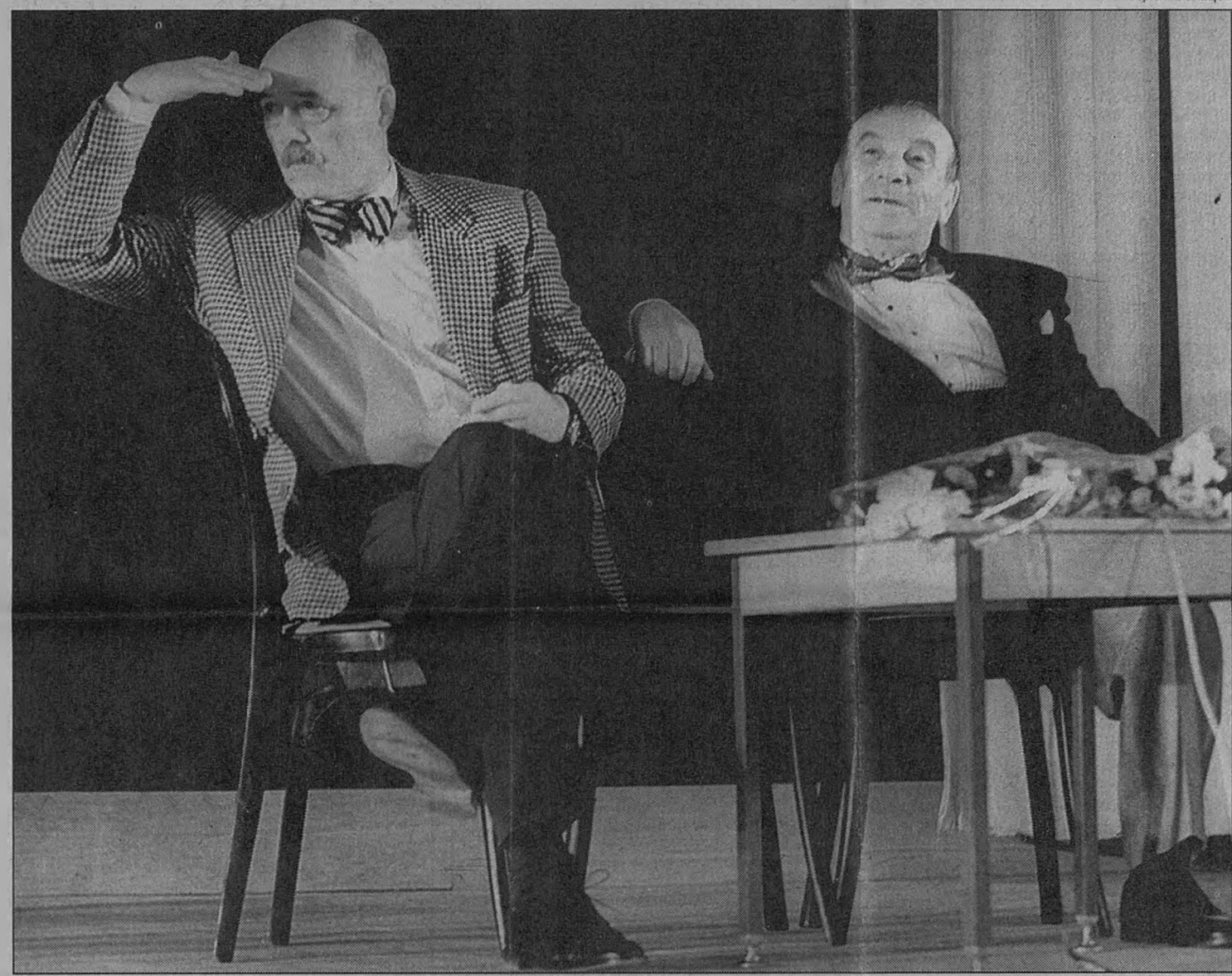
Общая газ. – 1995. – 6-12 апр. – с.10

Георгий Вайнер: Жизнь стала интереснее детектива

29 марта в Киноцентре отмечалось 15-летие телебестселлера «Место встречи изменить нельзя». За прошедшие годы слава его создателей не только не померкла, но и покрылась благородной патиной. Что, разумеется, позволяет им несколько свысока смотреть на сегодняшнюю литературную действительность. Георгий Вайнер, специально приехавший отметить юбилей из Нью-Йорка, признается, что последние годы сам уже почти не пишет, зато подумывает издавать собственную детективно-развлекательную газету «Место встречи изменить нельзя».

Сергей КУЗНЕЦОВ



Станислав Говорухин ищет Россию, которую мы потеряли, а Аркадий Вайнер мечтает об эре милосердия

– За детективщиками-классиками всегда стоят «их» сыщики – мисс Марпл, Мегрэ, Вульф, отец Браун. Почему у вас такого детектива нет? Не получился?

– Для меня детектив – душевное призвание. Бытует мнение, что детектив – это паралитература. Наоборот, считаю я: вся мировая литература – это детектив. Великая литература есть рассказ о тайне человека и тайне его жизни. Книга, где этой тайны нет, остается вне литературы. Оранжируйте ее всеми художественными добродетелями – она будет неинтересна читателю.

Мы стали писать детективы, потому что полицейские детективы были единственным жизненным материалом, который мы знали. И, преодолевая неизбежное творческое узнавание профессии, мы пошли не по пути усложнения фабулы, накручивания обстоятельств, развлекательно-ложных ходов. Мы пошли по пути, который многими был воспринят как предательство жанра. Мы углубились в так называемую беллетристику. Но жизненное мясо у нас всегда было насажено на шампур сюжета. А сыщик... Это экскурсовод, который водит тебя по музею чудес – а на самом деле просто является связующим звеном. Мы всячески избегали в своих книгах суперменов. Необыкновенный герой в обыкновенных обстоятельствах – что может быть проще? Нормальный живой человек в экстремальных обстоятельствах – вот тема. Кстати, на мой взгляд, у Сименона не про Мегрэ гораздо интереснее. Существует масса приемов по утеплению образа сыщика, по приданию ему человеческого облика. Это иллюзия, что детективщик садится за стол с мыслью что-то такое лихое изобразить. Если он на самом деле писатель, он садится за детектив, как за «Гамлета». И в зависимости от таланта и мастерства написанный текст дает возможность читателю либо забыться на час, либо думать о чем-то очень важном.

– Но тогда почему именно про детектив говорят «сделать»?

– Это издержки популярности и доступности жанра. Ни в одном жанре не работает такое количество писателей. Фантастов все-таки меньше. У нас сам по себе материал интересен. Когда на первой странице лежит картонный труп и заливается бумажной кровью, конечно, интересно – чем все закончится. При этом жанр начисто отвергает импровизацию. Невозможно написать сонет из 18 строк. В детективе правила тоже очень жесткие. Все концы надо свести с концами – отсюда и идет «сделать». У настоящего мастера углы арматуры, швы, стыковки не видны. Они закрыты живой плотью человеческих отношений, которые самоценны сами по себе. Конечно, есть какие-то приемы. Я раньше не догадывался, как строится сюжет. Пока не прочитал два тома Конан Дойля и не понял: ну конечно, автор не вместе с Холмсом раскрывает преступления при помощи знаменитого дедуктивного метода. Наоборот – Конан Дойль, зная, что чем кончится, распутывает историю с конца, а уже потом опять закручивает ее в кокон обстоятельств.

– Вы пользовались этим приемом?

– Первые годы. Со временем оказалось, что это не очень интересно, хотя вполне правомерно.

– Как же так: правила создания детектива известны, детективов выходит огромное количество, а новых Вайнеров так и не появилось?

– Два-три года назад произошел детективный – издательский – читательский – писательский взрыв. Я сейчас имею в виду русский детектив. Это раньше круг авторов-детективщиков был ограничен. Понятно, почему. Во-первых, детективы проходили многократную цензуру в ведомствах, о которых в книге шла речь. Было опасение, что наши придурковатые писатели разгласят какую-нибудь тайну. Льва Овалова, создателя «майора Пронина», посадили на десять лет за разглашение методов работы органов безопасности.

Понятно, что ведомства предъявляли свои требования: надо было, чтобы милиционер (работник КГБ, прокуратуры) был безупречно прекрасен. Круг авторов-детективщиков был страшно узок. Проскочить между Сциллой и Харибдой – пройти цензуру, внушить читателю, что все прекрасно, но только «кое-где у нас порой», выстроить сюжет, написать все это правдоподобно и по законам жанра – для этого надо было иметь или образование юриста, или опыт работы в органах.

Я не готов ни восторгаться, ни критиковать сегодняшних детективщиков. Ничто не возникает из ничего. Здесь, как в бизнесе, – надо время, чтобы раскрутиться. В мире выходит страшное количество детективов (60 процентов от всего книжного рынка). Естественно, почти все – масскультура. Но почва должна быть унавожена.

Есть еще причина спада интереса к детективам. Сегодня все самое интересное – в газетах. Жизнь стала интереснее детектива. Куда ни кинь – страшные, роковые тайны. Вот смерть Влада Листьева – уже можно писать роман. Изменилась природа преступности, ее масштабы. Убили – не важно из-за чего – пусть из-за ревности или злобы. Но смерть этого человека вызвала обвальные процессы в обществе. Снимаются силовые министры столицы. Разваливается коммерческая структура ОРТ. Дума вносит требование о приостановке закона. Когда еще происходили такие криминальные обвалы?

– «Великая криминальная революция»?

– С моим другом-оппонентом Станиславом Говорухиным мы одинаково оцениваем происходящее, но выводы делаем разные. Я не государственник, не человек твердых консервативных представлений, которые меня влекут к восстановлению советской власти. Но я знаю точно – разворовывается гигантская великая держава. 75 лет мы являли исторический феномен: была очень богатая держава с чрезвычайно нищим населением. Мы не имели никакой собственности, кроме штанов. Произошел слом – и это богатство, на которое было положено 75 лет рабского труда, брошено в разор, распыл, раскрад. Это деньги, украденные у нас всех. Власть имущие, не имея возможности забрать эти деньги, привлекли мощные уголовные структуры, и с их помощью украдены миллиарды долларов – лесом, валютой, алюминием, ураном, нефтью. Самое же худшее даже не то, что они украдены – страна большая, все можно сделать заново. Плохо то, что эти деньги не вернутся в страну, не будут здесь работать.

И в совдеповские времена уголовных дел было предостаточно. Но они составляют в лучшем случае один процент от того, что происходит сегодня. Десять лет назад Александр Гуров – тогда еще кремленолог, а не начальник главного управления по борьбе с преступностью, говорил: «Лев готовится к прыжку», имея в виду теневую экономику. Я много работаю в Америке и знаю, как там относятся к людям, которые называют себя новыми русскими. Кстати, что за термин? Да они меньше всего русские. Это неверно по семантике – как будто речь идет о перерожденцах старых русских. Эти же без рода без племени. К ним относят русских, украинцев, евреев, армян, чеченцев. Если бы новые советские – я бы понял. Это люди абсолютно потерявшие рассудок во всем, кроме того, что касается денег. Себе они кажутся роскошными, не понимая, что во всем мире на них смотрят, как на сбесившихся дикарей. И все знают, что они воры.

– Жанр меняется вместе с жизнью?

– Возник не существовавший раньше институт частных детективов, которые более гибко и пластично вписываются в сюжет. Сейчас в охране и в частных детективных агентствах работают 500 тысяч человек. Думаю, скоро возникнут экологический детектив, банковско-бухгалтерский – игра ума в финансах, хорошо и понятно описанная, будет вызывать не меньший интерес, чем тот же традиционный шпионский детектив. Наркобизнес стал уже темой сотен книжек. И уже надоел, как и все, что утрачивает чувство меры. Наркотик у наших писателей становится тем же, чем был хор-лес-горы в греческом театре. А настоящий интерес возникает только тогда, когда читатель переживает близкие и понятные ему вещи. Если не показать страшную силу наркобизнеса, сам по себе наркотик никого не трогает.

– Ясно, что сегодня не розовощекий милиционер – герой детектива.

– Тот, кто пишет о милиционере, должен это обставить тысячей объяснений – как про рогатую собаку. Сказать, ну да, вот мой герой такой выродок – взяток не берет, подследственных не бьет в кутузке, начальство его преследует, коллеги его оскорбляют. Все это требует подробного описания милицейского безвластья. Сейчас пришло время частного сыщика – у него не только по жизни, но и по сюжету возможностей больше, он колоритнее. У него «Вольво», подслушивающие устройства, автоматы.

Вопрос на самом деле не в том, кто герой или какой выбрать сюжет. Ну о чем вы еще сегодня не читали? О продажности властей? О коррумпированности милиции? О наркобизнесе? Я почти не пишу сейчас и почти завидую тем, кто все эти годы писал. Или я глупее этих авторов... Или они сумели сказать то, о чем другие не догадывались? Проблема, в сущности, в том, что важно для людей. Я всегда хотел сделать из монолога диалог. Диалог с хорошим подбором аргументов.

– В «Месте встречи...» это разговор Шарапова с Жегловым о допустимости малой несправедливости по отношению к бандитам во имя справедливости для всех...

– Но в кино этого диалога просто не получилось. В книжке-то акценты совсем иные, и правда за Шараповым. В фильме Конкин изначально не мог участвовать в дискуссии. Обаяние Высоцкого погасило, увело на второй план то худшее, что было в этом герое.

– Получается, что Высоцкий и вас переиграл. Можно ли сказать, что русский детектив более психологичен, чем европейский и американский?

– Это зависит от задачи, которую себе ставит писатель. Я-то вообще считаю, что лучший детективщик это Грэм Грин – он просто великолепный писатель.

– Знакомы ли вы с Гришемом, которого сейчас считают лучшим детективщиком?

– Да нет. А зачем? Вот с Маркесом я бы хотел встретиться, поговорить. А Гришем... Знаете, сталкиваясь с произведением искусства, всегда думаю: а я так смогу или нет? Если не смогу – значит это искусство. Как Гришем я смогу.

– У вас есть детективы в библиотеке?

– Мне очень много книг дарят коллеги по жанру. Ле Карре, Ладлем – замечательный писатель. Правда, дочитав до конца, я всегда бешусь и ругаюсь.

– ?

– Хороший писатель и очень плохой детективщик. А вот Агату Кристи не люблю и дома не держу. Убогое чтение, кровавая математика. Это как расчесывание комариного укуса – пока до крови не расчешешь, не успокоишься. Но ни уму, ни сердцу это ничего не дает.

– Существует миф, что у Вайнеров колоссальные связи. Вы себя чувствуете в этой жизни абсолютно защищенным человеком?

– Это если машину угонят, смогу ли я ее вернуть? Ну конечно, я позвоню знакомым. И мне пообещают поднять на ноги всю милицию. И даже указание такое дадут. Только кого поднимать?

Беседовала
Екатерина ДАНИЛОВА